

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

БАНДИТ-3
АКАДЕМИЯ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете —
Лариса Клепакова

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Бандит. Академия / Евгений Щепетнов. —
Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Новый
фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-172226-5

Петр Синельников, бывший спецназовец, а ныне семнадцатилетний парень из племени ворков, после череды приключений отправляется на учебу в Академию. Это единственное на всю Империю заведение готовит профессиональных магов, которые потом служат Императору на протяжении пяти лет. И все они — офицеры. Будущие офицеры. Амбициозные, спесивые, уверенные в своем славном будущем... подростки, которые очень не любят «белых ворон». Как встретят Петра Сина в Академии? Сможет ли он в буквальном смысле слова выжить в этих условиях? Увидим. Третья книга нового захватывающего цикла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-04-172226-5 «Эксмо», 2023

Глава 1

Интересно, ректором выбирают за силу магии или по каким-то другим критериям? У того, кто сейчас сидел передо мной, всполохи синего света были такими яркими, такими могучими, что... меня просто оторопь брала. До сих пор я не видел такого сильного мага.

Впрочем — а сколько магов вообще я видел? Одного опального мага-лекаря да Велура, сильного мага, но... явно не такого сильного, как этот мужчина. Именно мужчина, а не старик — стариком его язык не повернется назвать. Ведь что такое старик? Это некое кхекающее, перхающее вялое существо, которое ползет по жизни, доживая оставшиеся ему дни и заботясь только о самых своих насущных желаниях — поесть, попить, поспать, ну и... так далее. Старика ничего не интересует, кроме своей важной персоны. Кстати, звание «старик» не обязательно привязано к возрасту субъекта. Старичком может быть и совсем молодой человек с тонкими ручками, пухлым животиком и вечно недовольным выражением пресыщенности на сытом лице. Я видел в своей

жизни и молодых «старичков», которые вызывают у меня лишь отвращение и досаду, и пожилых мужчин, которые фонтанируют идеями, совершенствуют свой мозг и весь организм и сто очков вперед дадут большинству молодых людей. Этот мужчина был именно из последних — сухощавый, жилистый, с кистями рук, перевитыми крупными синими жилами. Сразу же подумалось — сильный мужик! Такой голыми руками порвет!

А еще — глаза. Серые, похожие на слегка замугненный алмаз, они будто светились изнутри. То ли это мне так показалось при свете утреннего солнца, то ли какие-то магические ухищрения, но... мужчина производил просто ошеломляющее впечатление. Император не был таким величественным, таким... монументальным, как ректор Академии Магии! Мне даже пришлось сделать над собой усилие, чтобы взять себя в руки.

Я прошел вперед, остановился перед длинным столом для совещаний и не очень громко, но четко отрапортовал:

— Петр Син Рос, господин ректор! Прибыл для учебы в Академии!

— Прибыл, говоришь? — с непонятной интонацией протянул мужчина. — Ну-ну...

Затем он откинулся на высокую спинку кресла, где имелся такой же вензель, как и у него на петлицах — стилизованная буква «А», — и минуты три рассматривал меня, начав почему-то с моих рук. Закончил осмотр взглядом прямо в глаза, прищурившись и будто пытаясь проникнуть мне в душу.

Может, менталист? Мысли читает? Но что-то я не слышал о таких магах в этом мире. Ни в одном трактате не сказано о менталистах. Но все ведь может быть!

— Садись! — Мастер Зоран (если это был он, а не кто-то, забравшийся в кресло ректора, — например, уборщик) показал мне на ряд стульев, стоящих вдоль стола, я неспешно выбрал один, развернул его, чтобы сидеть лицом к ректору, и сел — держа спину очень прямо, будто кол проглотил. Очень хотелось сесть, откинувшись на спинку, и заложить ногу за ногу, чтобы разрушить пафосность встречи, но я этого не сделал. Глупо было бы и по-мальчишески. Тем более что моя жизнь в этом заведении полностью зависит от этого человека. Как говаривали у нас во дворе: «Главное — не сколько сидеть, а КАК сидеть. Можно отстоять весь срок на одной ноге, а можно все годы кантоваться петухом под шконкой». Да, у меня были бурные детство и юность. В нашей дворовой компании всякой твари было по паре. И если бы не мое умение драться, не моя «духовитость», заставляющая подниматься каждый раз, когда меня сбивали с ног, и снова идти в бой, — не знаю, чем бы закончилась моя жизнь. Возможно, вырос бы запуганным ботаном, или просто прибили одним несчастливym вечером, когда бы я возвращался из музыкальной школы.

Итак, я не собираюсь грубить, вести себя похамски, но и в обиду никому не дамся. И это не просто требование ситуации — это вся моя жизнь.

— Я прочитал письмо Леграса, — слегка хриловатым, приятным баритоном начал ректор. — Из него, честно сказать, ничего не понятно. Кто ты такой, откуда взялся и почему твои магические способности проявились только в... сколько тебе лет?

— Семнадцать... недавно исполнилось, — чуть усмехнувшись, ответил я. И это была правда — я знал, что у меня не так давно был день рождения. Просто я его не праздновал и никому о нем не сказал. Вернее, не у меня, Петра Синельникова, день рождения, а у моего тела, в котором некогда жил мальчик воркского племени по имени Келлан. Петром Сином я стал всего чуть больше двух дней назад — по настоянию главы Тайной службы Леграса.

— Недавно исполнилось! — вздохнул ректор. — Почему же ты так поздно сюда попал, парень? Не бывает, чтобы способности к магии проявлялись позже, чем в семь-восемь лет. Понимаешь? Не бывает! За всю историю Академии только один мальчик стал магом в двенадцать лет, и то лишь потому, что у него имелись изъяны физического развития. Он был недоразвитым, инфантильным. Ты знаешь, что такое «инфантильный»? Тебе знакомо это слово?

— Знакомо, — с трудом сдерживая улыбку, ответил я. — Человек, который ведет себя как дитя.

— Хуже, — скривился ректор. — У него с мужскими делами не все было в порядке. Он ходил больше на девочку, чем на мальчика. Надеюсь, у тебя с этим делом все в порядке?

— Вы намекаете, что я похож на девочку? Что слишком смазливый для парня? — уже открыто усмехнулся я. — Я заверяю вас, что с мужскими причиндалами у меня все в порядке. Я могу даже показать — только боюсь, это будет несколько неоднозначно понято, если кто-то увидит. И да — я не имею никакого желания заниматься ЭТИМ с мужчинами. Так что, пожалуйста, оставьте свои странные предположения при себе. Они меня оскорбляют.

— Оскорбляют его! — иронично хмыкнул ректор и тут же резко, без перехода выдал: — Тебе еще много оскорблений придется перенести! Ты вообще понимаешь, куда попал? Леграс — понимает, что делает?! Да тебя тут раздавят, как таракана! Демон вас обоих задерит! Раз ты не имеешь специфического физического недостатка, значит, тебя придержали до этого возраста и сразу не послали в Академию! И в этом я чувствую руку Леграса! Какого черта вы там с ним творите — я не знаю! И знать не хочу! Мне надо — чтобы здесь было тихо и спокойно! Чтобы не было смертоубийства, чтобы я не работал судьей, разбирая чьи-то свары, а нормально строил учебный процесс! А вы что творите?!

— Послушайте, я не знаю, что МЫ творим, — устало вздохнул я. — Мне было приказано прийти для учебы в это учебное заведение. Я это сделал, подчиняясь приказу моего начальника. Я ничего не знаю об Академии, кроме того, что она обучает магов различных специальностей —

лекарей, боевых магов и... не знаю еще кого. Все! Так что нападать на меня просто неразумно.

— Ты, видимо, и вправду не понимаешь, — нахмурился ректор. — Ладно, я тебе расскажу, если ты не знал. Итак, Академия. Кто здесь учится? Маги. Потомки магов. Откуда они взялись? Родились магами. Знаешь, где рождаются маги, у каких родителей? Хотя бы один из родителей должен быть магом. Если это отец — вероятность рождения мага будет примерно один-три процента. И, скорее всего, это будет девушка.

— Почему девушка?! — не удержался я.

— Потому что таковы законы природы, — пожал плечами ректор. — От мага-отца чаще всего рождается магиня, девушка. У женщины-мага рождается мальчик-маг. И кстати — тут уже вероятность рождения мага пятьдесят процентов. В разные годы рождается больше магинь или больше магов. Никто не знает, почему так или иначе. Так Создатель решил. Ну, так вот: каждый маг или магиня, если при поступлении в Академию у них не было дворянского звания, — его получает. Значит, следующий маг, вероятнее всего, родится в семье дворянина. Ты улавливаешь мою мысль? Тебе все понятно?

— Вроде да... — протянул я, действительно начиная понимать, куда вляпался. Все было гораздо, гораздо хуже, чем я думал!

— Итак, продолжаю мысль...

Тут в дверь постучали, и ректор зло бросил, повысив голос:

— Я занят!

— Господин Зоран! Но вы просили чая! — В дверном проеме показалась голова хорошенькой девушки лет двадцати, глаза которой с любопытством уставились на меня. Я видел это краем глаза — боковое зрение у меня всегда было просто великолепным. Это иногда меня спасало в очень даже трудных ситуациях.

— Неси! — махнул рукой ректор. — Две кружки неси! И что-нибудь поесть занеси! Будешь?

Он поглядел на меня и, не дожидаясь ответа, прокричал:

— Давай неси все!

Девушка появилась в дверях уже через пару минут — с подносом, на котором стояли чайник, тарелки с чем-то вроде бутербродов, наколотым сахаром и засахаренными фруктами вроде земной «китайки». Возможно, это и была «китайка». Как я уже заметил, фрукты и овощи в этом мире, как ни странно, не очень сильно отличались от земных. Ну да, имелись и незнакомые фрукты, но мало ли незнакомых для меня фруктов было на Земле? Сельское хозяйство — это не мой конек, если не считать сельскохозяйственными работами закапывание в землю перед началом атаки врага.

— Никого ко мне не пускай! И сама не лезь! — сурово выпроводил помощницу ректор и, дождавшись, когда она закроет за собой дверь, снова вззрился на меня:

— Итак, продолжим. Бери, наливай, ешь. До обеда еще далеко, и насколько я понимаю — ты не особо наелся в дороге.

Я удивился — откуда он может знать, что меня выпнули практически без гроша в кармане? Но ничего не сказал. Встал, взял чайник, налил вначале ректору, потом себе, под одобрительным взглядом собеседника. Тоже тест, что ли? На воспитанность? Взял бутерброд с копченым мясом и стал жевать, стараясь двигать челюстями не так активно. Проголодался, точно. Самое время подкрепиться. Положил кусочек сахара в кружку — хватит, чуть подсластил, и ладно. Я не любитель приторного.

— Итак, у яблони рождаются кто? Правильно, яблоки. А у дуба? Понятно, кто, — сказал ректор и отхлебнул из кружки золотистого напитка. На самом деле это был не чай, но аналог земного чая, больше всего он напоминал южноамериканский матэ, то есть производное «падуба парагвайского».

— Прошло время, и стали замечать — у простолюдинов магов рождается все меньше и меньше. Ведь маги женятся на дворянках, магини выходят замуж за дворян. Зачем им простолюдины? Все маги заведомо обеспеченные люди, иногда даже богатые — обычно это даровитые лекари. В конце концов так получилось, что у простолюдинов вообще перестали рождаться маги! И это произошло уже на моей памяти! Ты понимаешь, к чему я веду?

— Понимаю, — кисло сказал я. — То есть в Академии сейчас нет ни одного курсанта-простолюдина. Все или потомственные дворяне... или...

— Или потомки магов, которые тоже потомки магов, а значит — дворян! — закончил за меня рек-

тор. — И самое интересное, что эти самые потомки магов, деды или прадеды которых некогда стали дворянами из простолюдинов, кичатся своим дворянством даже больше, чем потомки древних и не очень кланов! Их родители маги, они никогда не знали нужды, живут так, как привыкли жить дома! То есть — презирают чернь и очень гордятся своим происхождением. И вот в стройные ряды богатых и спесивых курсантов...

— Являюсь я! — закончил я предложение. — Нищий, без гроша в кармане, который своим смазливym личиком вызывает одно лишь желание — дать ему в морду. А еще — он ворк, а с ворками идет вялотекущая война. И ставлю золотой против медяка: хотя бы четверть из тех, кто является родителями этих курсантов, участвовала в воркских войнах.

— Половина. Как минимум — половина! — кивнул ректор — Теперь ты понимаешь, что тебя ожидает?

Он помолчал, глядя в столешницу, побарабанил пальцами по столу и наконец-то решил:

— Давай мы поступим по-другому? Я оплачу тебе проезд в столицу — в пассажирской карете. Дам денег на дорогу — столько, чтобы ты не нуждался в пути и по прибытии мог прожить некоторое время не голодая. Напишу письмо Леграсу, где опишу ситуацию, расскажу, каково здесь положение вещей. Ничего не потаю, сделаю все, чтобы тебя не наказали. Сегодня ты переночуешь в Академии, благо что все еще продолжают зимние

каникулы и курсанты сядут за учебу только через три дня, большинство разъехалось по домам, ну а завтра... ты понимаешь.

— Понимаю, — кивнул я и усмехнулся. — А почему я должен согласиться? Может, я хочу учиться? Может, это моя мечта — стать настоящим магом? Изучить лекарское дело, например. Артефактное дело. Ну и вообще... подтянуть свои знания. Я не хочу уезжать!

— Этого я и боялся. — Ректор посмотрел на меня таким взглядом, как будто видел перед собой глубоко больного человека. — Этого я и боялся... Ну что же... если так — добро пожаловать в Академию, курсант Син!

Голос ректора стал холодным, отстраненным — разве с покойником разговаривают, как с человеком? Он взял небольшой листок бумаги, черкнул на нем несколько строк и двинул по столу в мою сторону:

— Это мое распоряжение о приеме тебя в курсанты академии. За дверью моя помощница, ее звать Хельга Стримс. Передашь ей эту бумагу, Хельга расскажет тебе о правилах Академии и покажет, куда идти и что делать! Свободен!

Ректор всем своим видом показал, что аудиенция окончена, и я не стал дразнить гусей — оставив недопитую кружку матэ (бутерброд я успел сунуть в рот, прожевать и проглотить), поднялся и вышел, уже у выхода вежливо попрощавшись с хозяином кабинета. Он мне не ответил — будто меня для него больше не существовало.

Хельга сидела за столом, пила чай, и когда я к ней подошел — очень мило улыбнулась. Губки у нее пухлые, зубки белые, как снег, — будто фарфоровые. Интересно, как она оказалась в секретаршах у самого главного человека в Академии? Может, родственница? Или... хм-м... да вряд ли. Ей на вид максимум лет двадцать, а он весь в морщинах, высох, как старый дуб. Скорее, ему не до того, чтобы развлекаться с молоденькими девчонками. Хотя... расскажите это Хью Хефнеру! Он посмеется.

— Слушаю тебя! — Пить чай она не перестала. Подула в изящную кружку, вытянув губки, и начала с интересом меня разглядывать. Ну в точности как ее шеф! Только порядок разглядывания частей моего тела у нее был совсем другим — начала она почему-то с середины.

— Вот! — я положил перед ней бумажку с приказом ректора, девушка равнодушно ее приняла, прочитала и снова подула в кружку. Отхлебнула и только потом удостоила меня кивком:

— Да, я догадалась, что это такое! Ну и что скажешь?

— Вообще-то я думал — это ты мне скажешь, — пожал плечами я. Девушка красивая, попка, обтянутая длинной форменной юбкой, тоже хороша, и ножка в разрезе юбки замечательная, но мне надо дело делать. — Расскажешь о правилах Академии, что тут можно, а что нельзя. Отведешь, например, на склад. Расскажешь, где тут у вас столовая, ну и вообще...

— Ну ладно... — Девушка снисходительно посмотрела на меня и облизнула губки красным остреньким язычком. — Я думала, ты уже знаешь. Сейчас пройдем в бухгалтерию, там тебе выдадут месячное содержание — один статер.

— Один статер?! На месяц?! — не поверил я.

— А ты что хотел?! Сотню золотых? — хихикнула девушка. — Это тебе стипендия на то, чтобы ты нитки с иглками покупал, чтобы зашить порванные штаны, мыла кусок, зубной порошок! Питаешься ты в Академии, одежду и обувь тебе дает она. Ну а если хочешь почаще менять форму — шьешь уже за свои деньги. Или в город сходить, чтобы пива выпить, — все за свои. Так что не надо делать такую физиономию! Вот тебе правила поведения в Академии, — достала листок толстой бумаги наподобие оберточной и хлопнула передо мной на стол, — изучишь, и чтобы знал все как свое имя! Вкратце, к сведению: ты должен быть чист, опрятен, обувь вычищена — кстати, стипендия тебе и на ваксу тоже. За грязную, неопрятную обувь могут наказать.

— Как наказать? — тут же переспросил я.

— Ну... например — лишить увольнительных на месяц. Или поместят в карцер — чтобы посидел там на хлебе и воде. А если сильно провинишься — могут и выпороть. Даже палками. Тут все строго! Как в армии! Итак, чист и опрятен. Нельзя пить спиртное и употреблять наркотики — в стенах Академии. Нельзя ходить в комнату девочки или принимать девочку у себя (она широко улыбну-

лась и подмигнула). Нельзя нападать на курсантов — все поединки только на специально отведенных для этого ристалищах.

— А если на меня напали? — не выдержал я.

— А это уже будет разбирать суд преподавателей — кто напал и кто отвечал. Нельзя колдовать без разрешения вне стен Академии. Нельзя использовать боевую магию и в стенах Академии — без дозволения преподавателей. И тем более нельзя применять магию против жителей города — если только ты не был вынужден это сделать. Например — нарвался на грабителей.

— А что, и такие тут есть? — сделал я слегка испуганное лицо и едва не рассмеялся, увидев, как поджала губы Хельга после того, как я выказал явную немужественность.

— Тут — нет! Когда выйдешь за стены Академии и пойдешь наливаться пивом по значным местам — будут! Драться там можешь, применять магию — нет! Поймают — накажут очень серьезно. Дальше: ты должен успевать на занятиях. За неуспеваемость — наказание, вплоть до палок. Убираешь свою комнату сам или за плату нанимаешь служанку, которая будет тебе стирать и убираться в комнате. Тут такое в порядке вещей. Питаться только в столовой, таскать еду в комнату запрещено. Ну и... все, в принципе. Ах да! Две недели выход в город тебе запрещен. Потом сможешь выходить — после того, как отсидишь на занятиях. Но вход только до полуночи. Вернешься после полуночи — наказание.

— Дуэли практикуются? — спросил я почти безразлично, ответ уже, можно сказать, знал.

— Конечно! — даже удивилась девушка — Это офицерское училище! Все курсанты обязаны владеть оружием и рукопашным боем! Поединки в магических искусствах только между курсантами одного факультета! Глупо было бы драться лекарю с боевым магом, используя свою врожденную магию. Результат очевиден. Ах да, забыла! Какая у тебя специализация? Ну... кем ты будешь? Боевым магом или лекарем? Или, может, прикладная магия? Артефактор или ботаник?

— Лекарь, — пожал я плечами. — Хотя с удовольствием поучился бы изготовлению артефактов.

— Ну, это запросто! — хмыкнула девушка — Можно договориться о дополнительном обучении. Правда, это уже стоит денег. Не знаю — сколько, это в бухгалтерии знают. Ну, все, пойдем! Остальное прочтешь сам. Я уже устала рассказывать — ты взрослый, постепенно все сам поймешь.

Она поставила пустую чашку в ящик стола и пошла к двери, нарочито, как мне показалось, покачивая соблазнительно гладкими бедрами. То ли нарочно, чтобы меня смутить, то ли это у нее вышло автоматически — она так привыкла. Как та кошка, которая не думает, как красиво потянуться или пройти по полу. Так получается, да и все тут.

Следующие два часа я провел в постоянной беготне. Вначале в бухгалтерию, где меня вписали в нужные ведомости, а потом выдали вожденный статер. Из бухгалтерии, с бумажкой — на

склад, где проторчал минут сорок, ожидая кладовщика, потом минут двадцать дожидаясь, когда этот медлительный, как осьминог на суше, мужчина оберяет меня специальным шнурком и найдет нужные мне размеры. Нет, не двадцать минут — дольше. Минут сорок — если учесть, что я еще получал постельное белье, подушку, матрас и все такое.

Хельги, само собой, рядом не было, она появилась уже тогда, когда я все нужное со склада получил и теперь стоял над грудой барахла, с тоской глядя на эту кучу и соображая — куда пойти, куда податься, кого найти... ну и так далее. Откуда девушка узнала, что я закончил прибарахляться, — не знаю. Может, тут связь какая-то, вроде пневмопочты? Или по опыту знала, сколько времени займет все это действие.

Я умудрился навьючить все на себя за один раз, благо что матрас был свернут и связан веревкой. Рюкзак на плечи, матрас перед собой, на него одежду, обувь, постельное белье. Само собой, Хельга не выразила ни малейшего желания мне помочь, и я шел, балансируя горой барахла, как циркач в передвижном шапито. Идти надо было довольно-таки далеко, подниматься по лестнице, так что я не выдержал на первом же пролете — бросил матрас и белье на широкий подоконник и пошел дальше, унося с собой только одежду и обувь. Потом заберу, когда разгрузусь в комнате.

Комната мне понравилась — главным образом тем, что, как я понял — буду жить в ней совершенно один. Никаких тебе соседей, никаких храпя-

щих и воняющих «дружбанов». Хочешь — спи, не хочешь — медитируй или еще чего-нибудь делай. Да хоть на гитаре играй! Дверь толстая, звуков почти не слышно.

Кстати, в этом мире нет гитар. Есть что-то вроде лютни, очень похожее на переходную модель лютни, так называемую лютневую гитару Вандерфогель, появившуюся на Земле уже в девятнадцатом веке. Я на такой играл — не здесь, само собой, а на Земле. Здесь инструменты стоят серьезных денег, я интересовался, самая простая такая лютня — от десяти золотых. Приличный инструмент — от двадцати золотых. Хорошая вещь — двадцать и больше, намного больше — и тысячи золотых. Я все собирался приобрести себе какой-нибудь инструмент, накопить денег и купить — но так и не собрался. Некогда было, занят был сильно — людей убивал. А потом... совсем не до того. Рабу инструмент не положен. А пальцы, честно сказать, просто тоскуют по струнам! У меня всегда с собой была гитара... Когда-нибудь разбогатею и куплю хорошую гитарную лютню. Даю на том себе зарок!

Небольшая комната — метров десять площадью, не больше. Кровать, шкаф, стол, стул. Туалет и душ на этаже — мальчикам отдельно, девочкам отдельно.

Выглянул в окно — видно плац, площадки для спортивных занятий, клумбы, скверик — ощущение дежавю. Учебка, вот только и скажешь. Видел я такое не раз и не два... насмотрелся вволю. Сейчас

на площадках никого не было — каникулы ведь! Кстати, надо почитать — когда у них каникулы и сколько длятся. Вникну, чего уж там... через три дня начнется.

Чувствую, горячие деньки будут. Нет, я не боюсь — после того, что пережил, чего мне бояться? Толпы мажоров? Ну что они мне сделают? Голову отрежут? Ноги переломают? Кровь из меня выкачают? Смешно! А насмешек и глумления не боюсь. Если кто будет нарываться — отвечу. Главное — не нарушить правила. Следует их внимательнее изучить.

Ну а пока — пойду искать тряпку и ведро. Нужно вымыть комнату, протереть подоконник, стол, стул, в шкафу прибраться. Везде пыль — похоже, тут давно уже никто не жил. В столовую здесь ходят по сигналу колокола — не пропустить бы. Не хочется возиться на голодный желудок.

Еще — Хельга мне сказала, что в Академии имеется отличная библиотека, лучшая в Империи. Это меня очень обрадовало! Вот и способ скоротать время. Интересно, книги выдают навynos или читать можно только в читальном зале? Не спросил, теперь себя за это ругаю. Вот жетончик для посещения библиотеки. Кстати — погрозились, что, если я буду неаккуратен с книгами, меня от библиотеки могут на время отлучить. Только вот не сказали — как я без книг вообще буду учиться. Посмеялись — мол, узнаешь! Когда кожа на спине полопается. Добрые люди сидят в бухгалтерии, от доброты просто рожи скоро полопаются — такие

широкие стали. Еще бы узнать, где тут можно погладить барахло... ладно, не все сразу. Пока в мятом похожу. Опять же — я знаю армейский способ гладить брюки... под матрасом. Поспишь на них ночку — утром как из-под утюга вышли.

Сигнал обеденного колокола застал меня моющим руки под краном с холодной водой. Да, тут была вода — и горячая, и холодная. Немыслимая роскошь в Средневековье.

Я пошел в свою комнату, переоделся в не обмятую еще форму, надел форменные кожаные ботинки (тоже черного цвета, как и мундир) и, спустившись по лестнице на первый этаж, оказался в столовой — гигантском помещении с высотой потолка метров семь, не меньше.

Глава 2

Как-то пришлось мне оказаться в одном из пафосных ресторанов высшего разряда, в одной из бывших советских республик. Ездил туда... по обмену опытом. В общем — задание у нас было — пробраться через границу дружественной республики, войти в недружественную и взять одного уголовного авторитета, обложившегося со всех сторон своими боевиками. Взяли, чего уж там... даже не подстрелили. Так, помяли немного — не потому, что так было необходимо, а больше от полноты чувств. Паскудный был человек, много чего на нем висело... ну нас и наняли его взять. Предложили добро-

вольцам, я и пошел. Почему бы и нет? Хоть юность у меня бурная, с уголовниками и всякой шпаной якшался, но вот укоренилась во мне стойкая ненависть к этим... хм-м... ну, неважно. С какой стати я, вояка, занимался этим делом? Так... предложили, за плату. А я и не отказался. И не пожалел.

Так вот — посетили мы с соратниками этот ресторан. Музыка играет — цыган в красной рубашке играет на скрипке. Потом ресторанный ансамбль — или как он там называется — стал играть «Естедей». Кто-то из посетителей заказал музыку. Все танцуют... Хорошо! Приятно! Но опять — дело не в музыке, и не в той операции, и даже не в куриных ножках, фаршированных грибами, которые я ел. Дело в зале ресторана. Зал столовой Академии был таким же пафосным, как и зал элитного ресторана. Высоченные потолки, лепнина...

Немного преувеличиваю, но в принципе почти все так и есть. Простор, огромные окна и столики рядами. Каждый столик на два человека. Прикинул — если занять все столики... разом тут человек двести уместится. Или больше? Кстати — похоже, что там вон вход в другой зал, поменьше. Наверное, тот зал для администрации Академии, этот зал для учащихся.

Насчет столиков... а с чего я решил, что они на двоих? Нет, точно на четверых! Просто они кажутся маленькими из-за того, что потолки высокие и вообще просторно.

Выдача еды — вон из того окошка, за которым угадываются фигуры раздатчиц или кухарок. Окош-

ком я его назвал так... сгоряча. На самом деле — окно, окошище! На выдаче могут стоять сразу четверо или пятеро раздатчиц. Сейчас непосредственно у окна стояла одна, оно и понятно — каникулы, зачем использовать всю толпу? Одна раздатчица, две поварихи, уборщица — вот и весь состав кухонной бригады на время каникул. Я бы так и сделал.

Пахло вкусно — жареным мясом, сдобой, специями — не хуже, чем в хорошем трактире. У меня сразу рот наполнился слюнями — все, что за сегодня съедено, — это небольшой бутерброд в кабинете ректора. И то — едва урвал. Сдается, уважаемый дядечка Зоран так на меня рассердился за отказ уехать домой, что его бы воля — вырвал бы этот бутерброд из моего чрева вместе с кишками. Нет, ну так-то я его прекрасно понимаю — кому нужен такой заведомый «геморрой» в лице залетного ворка? Обязательно ведь будут неприятности, что он мне популярно и рассказал. Но что поделаешь? Такая вот наша селяви!

Иду через зал к окошку кухни, по дороге цепляю деревянный поднос со специального стеллажа при входе. Автоматически оглядываю зал на предмет нахождения в нем опасных субъектов. После беседы с ректором я уже «на щелчке» — это когда оружие снято с предохранителя — щелк! Жду любой неприятности. Скорее всего, слухи уже разлетелись по Академии — судя по всему, Хельга еще та болтушка и служит источником информации для всей округи. Главное — умело к ней подойти. Типичная секретарша, чего уж там.

В зале народу очень мало. Практически — он пуст. И, скорее всего, не потому, что еще не все собрались на обед — просто в Академии остались только штрафники да те, кому не хотелось ехать домой. Ну и возможно — дежурные. Кто-то ведь должен следить за входом, за порядком, ну и вообще... так положено, чтобы в учебке оставались дневальные. Четверо сидят возле окна, выходящего во двор, на сквер, двое парней чуть поодаль, под высоким подобием пальмы, растущим в здоровенной, причудливо вылепленной из глины и обожженной бочке.

На меня воззрились все — и эти четверо, среди которых были две девушки, и двое под пальмой, — даже есть бросили, так я их заинтересовал. Неужели здесь никогда не было ворков? А что... вполне может быть. Я отличаюсь от смуглокожих и черноглазых обитателей Империи так же, как белый человек от мулатов. А ситуация нормальная — вот только представить, что в столовую Рязанского десантного училища вошел негр — самый настоящий, иссиня-черный, желтоглазый, в форме этого самого родного училища. Как бы на него смотрели?

Прохожу к раздаче, вижу женщину лет сорока пяти — полную, с добрым румяным лицом. Вежливо здороваюсь, спрашиваю:

— Могу пообедать? Я не знаю, внесли меня в списки курсантов или нет... может, на меня еще разрядка не приходила?

Женщина смотрит на меня, будто я вдруг заговорил с ней на иностранном языке, потом фыр-

кает и удивительно приятным, нежным голосом (по контрасту с огромным телом) говорит:

— Ишь ты! Разнарядка! Списки! Какой ты ученый-то! Хи-хи... если на тебе форма, значит, везде уже внесли и ты такой же курсант, как и все остальные. Новенький ведь, да?

— А не видно? — улыбаюсь я женщине, которая мне, честно сказать, понравилась. Этакая домашняя, правильная повариха. Да и не со зла она меня поддевает, видно, что добродушная.

— Еще как видно! — хохочет женщина, наливая и накладывая из двух огромных медных кастрюль. — Сколько тут работаю, а ворка у нас еще не видала! Да еще и такого красавчика! Девочки, вы только поглядите — какой красавчик! Ну, теперь держись, девки! Ишь, кто к нам пожаловал!

Кухарки — все как на подбор грудастые, плечистые, девочками называться могли только с огромной такой натяжкой. Больше они напоминали штангисток, которые каким-то образом оказались в роли кухонных хозяек. Оно и понятно — потаскай-ка тяжеленные кастрюли, быстро накачаешь мышцу!

— Да, хорош! — выстроились у окна кухарки, бесстыдно раздевая меня взглядами. — Мы бы с тобой... сварили похлебку! Ха-ха-ха!

— Ну хватит паренька смущать! — цыкнула раздатчица и заговорщицки мне подмигнула: — Ты это... не теряйся! Меня Анар звать... если что, обращайся! Я вообще очень хорошо к воркам отношусь. Знаешь, у меня в юности парень был — ворк.

Вот мы с ним зажигали! Как вспомню, так вздрогну! До сих пор забыть не могу!

— А куда он делся? — из вежливости поинтересовался я, и лучше бы этого не делал.

— Убили его, — погрустнела женщина. — Шел как-то вечером с работы... он в лавке продавцом работал. И... утром нашли. Голову ему проломили, раздели. Тогда как раз на севере снова война началась с ворками, били их крепко, убивали. Мол, ваши соплеменники нас режут! А при чем тут мой Виглан? Он и мухи бы не обидел! Он все в их храм ходил, а там им священник рассказывал, что никого обижать нельзя, что надо молиться за своих врагов... вот и домолился. Голову разбили. Тоже красавчик был!

Она вытерла глаза запястьем, посмотрела куда-то в зал за мою спину и еще тише сказала:

— Ты это... как тебя звать?

— Петр.

— Ты, Петр... будь осторожнее. Тут знаешь, сколько говна среди курсантов? Друг перед другом выпендриваются, перед девчонками выкаблучиваются. А уж если ворка увидят... так и жди, что сейчас что-нибудь учудят. Тут многие с севера, опять же — родители офицеры, воевали с ворками. А ваше племя все эти дурацкие завывания слушает — не убий, не защищайся! Ну кроме лесных ворков, конечно. Так что ты сладкий пирожок для этих коршунов. Опять же — слишком красивый, девки на тебя смотреть будут. Берегись, парень!

— Спасибо, Анар! Учту! — искренне поблагодарил я и, подняв тяжелый поднос, пошел в зал. Уже в спину мне подавальщица вполголоса сказала:

— Не наешься — подходи, еще положу! Тут у нас кормят от пуза, а тебе надо поправляться, вон какой худенький!

Я кивнул, поблагодарил и пошел дальше, думая о том, что вряд ли буду просить добавки. Здоровенная чашка огненно-горячей похлебки, посреди которой как остров возвышался кусок темного мяса, миска с чем-то вроде картофельного пюре, политого соусом, в луже которого лежала здоровенная жменя соломкой нарезанного мяса. Два пирожка — один вроде как с мясом, другой с фруктами, сладкий (сквозь отверстие в центре видать). Ломоть ноздреватого белого хлеба толщиной сантиметра четыре и литровая кружка компота, в котором плавали нарезанные на кусочки ягоды и фрукты. Да я с такой пищи сделаюсь жирным, как боров! Неужели все это в меня влезет?

Влезло. Правда, с трудом. Видно, сильно я проголодался, да и еда была вкусной. Мясо нежное, пюрешка как у мамы, компот неприторный, кисленький — как я люблю. Сижу, отдуваюсь, думаю — чем бы в зубах поковырять. Расслабился после обеда, как сытый кот. Только уши как у кота — настороже.

— И кто тебя сюда пустил, свинья?! Твое место — на кухне! У помойного ведра! Пшел вон, скотина! Где украл форму курсанта?

Поднимаю взгляд — медленно, нарочито вяло. Началось. И так, что тут у нас? Ага... парень довольно крупный, покрупнее меня. Килограммов на двадцать тяжелее. Видно, что сильный парнишка. Одет в безукоризненно выглаженную форму, ботинки блестят. Буквы «А» на петлицах... золотые, что ли?! Ух ты... богатенький Буратино! Кольцо на среднем пальце левой руки — похоже, что бриллиант. Здоровенный такой камушек... сверкает! Нет, никогда не любил мужские перстни. Мне это кажется глупым и претенциозным — носить перстни. А еще — опасным. Вот так зацепишься таким перстнем, да и оторвешь палец.

— А по какому праву ты со мной так разговариваешь, юноша? — спрашиваю лениво, делая самую презрительную гримасу, которую могу создать. Нужно с самого начала себя ставить, иначе задавят.

— Да как ты смеешь! Воркская морда! Ты одним своим присутствием поганишь светлое здание Академии! Вон отсюда, мерзавец!

— Не ты меня приглашал, не тебе меня изгонять, — цежу я сквозь зубы и добавляю: — И поосторожнее с оскорблениями. Можешь ответить за свои слова.

— Ах ты же гаденыш! — Рука парня хватает меня за шиворот, вздергивает над стулом. Да, силен парень, ничего не скажешь!

Автоматически перехватываю его руку, находя указательный палец, беру на излом, и через секунду парень с воем опускается передо мной на колени. Палец сломан, торчит в сторону под не-

естественным углом, но я его не отпускаю. Тихо говорю:

— Если я тебе понадобится, захочешь получить удовлетворение — я живу в комнате номер тридцать три.

Да, кстати, сразу внимание не обратил, но в уголке моей комнаты был вбит номер — «33». Я даже слегка порадовался — ну а чего, возраст Христа! Хороший знак!

Отпускаю парня, у которого из глаз льются слезы (больно, я знаю), и ухожу, сопровождаемый взглядами и курсантов, и обслуживающего персонала. Кто-то смотрит с любопытством, кто-то с ненавистью. Больше — с ненавистью, и это мои будущие... нет — нынешние коллеги, соученики. Братья, так сказать. «Никогда мы не будем братьями!» — ага, не будем. Только мне на вас плевать. Главное, чтобы из-за угла теперь дубиной не врезали. Ходи да оглядывайся.

В комнате я пробыл недолго — всего полчаса. Уже через полчаса в мою дверь постучали, я встал, повернул ключ, и передо мной стоит гений чистой красоты — Хельга, собственной персоной.

— Скорее! Пойдем к ректору! Вызывает! — Глаза девушки горят, щеки пунцовеют, ну не девушка, огонь! М-да... после мяса меня что-то на девиц потянуло.

— А в чем дело? Что случилось? — спрашиваю я небрежно, прекрасно зная, что именно случилось. Но надо же знать диспозицию сил!

— Ты напал на курсанта Элрона и сломал ему палец! — выпаливает Хельга, с каким-то даже священным ужасом глядя на меня. — А ты знаешь, кто такие Элроны?! Знаешь, насколько они богаты?! Один из древнейших Кланов! Можно сказать — король Севера! Эх и угораздило же тебя... теперь точно выгонят.

Хельга посмотрела на меня с искренней жалостью, ну а я изобразил на лице грусть и печаль, приличествующие моему нынешнему положению. Ну да, неприятно, когда ты еще и форму обмять не успел, а тебя уже норовят отправить восвояси — туда, откуда приехал. Так должен реагировать нормальный курсант. Но я не нормальный курсант. Потому еле сдерживал улыбку, глядя в печальное лицо девушки. Кстати, похоже, что Хельга совсем не плохая девчонка. Искренне за меня переживает. Только вот непонятно — почему переживает. Я ей не сват, не брат, не любимый. Так искусно играет? Ну... все может быть.

* * *

Ректор был спокоен. Я ждал чего-то вроде: «Да как ты посмел?! Я так и думал, что этим все закончится!» Но — нет. Он посмотрел мне в глаза и негромко приказал:

— Рассказывай, как дело было.

Я рассказал — четко, в ясных и недвусмысленных выражениях. Ректор подумал секунд десять и так же тихо и спокойно спросил:

— А зачем палец-то сломал? Нельзя было ограничиться... хм-м... внушением?

Я чуть не расхохотался: этого придурка — и внушением?! Он что, шутит?! Но вслух такого не сказал. Так же четко ответил:

— Мне было необходимо с первой же минуты пребывания в Академии дать понять, что касаться меня без разрешения, и тем более нападать — чрезвычайно большими неприятностями. Вне зависимости от личности нападающего. И тот, кто напал на Мастера, — всегда проигрывает. Просто потому что напал.

— На Мастера? — ректор иронично скривил губы. — Ты — Мастер? Серьезно? Забавно... Леграс об этом ничего не писал. Ну да ладно. Ты в курсе обвинения, которое выдвинул Грендель Элрон?

— Да. Я коварно напал на несчастного, набросился на него в столовой, когда он ковырял у себя в носу. И он от испуга так глубоко засунул в ноздрю палец, что нечаянно его сломал.

— Да ты наглец, как я погляжу, — усмехнулся ректор. — Да, ты напал на Элрона и сломал ему палец. Без всякого повода.

— Если не считать поводом то, что он назвал меня воркской мордой, скотиной, свиньей, мерзавцем, а потом схватил за шиворот и попытался выкинуть из столовой. В результате чего я и сломал ему палец.

— Кто может подтвердить? — озабоченно спросил ректор.

— Персонал кухни, — пожал я плечами. — Думается, что товарищи Элрона подтвердят его версию. Хотя... возможно, что и кухня не станет ниче-

го говорить. Как мне тут сказали, Элроны богаты и влиятельны. Зачем поварихам наживать себе таких врагов?

— Да... так я и знал! — сказав свою sacramентальную фразу, ректор уселся в кресло. — Ну и что теперь будем делать? Что я напишу Леграсу, когда этот... когда Элрон тебя убьет на дуэли?

— Так вроде как дуэли здесь никогда не бывают смертельными? — удивился я.

— Для тебя будет сделано исключение, — ядовито буркнул ректор. — Не бывает совершенно несмертельных дуэлей! Ткнули тебе в глаз, пробили мозг — вот и покойник! Выпотрошили, не успел лекарь залечить — вот и покойник! Время от времени случается, чего уж там говорить. Элрон — один из лучших бойцов, фанат единоборств! А ты...

Он замолчал, посмотрел на меня одновременно и сочувственным, и неприязненным взглядом.

— А я хрупкий, неумелый сторонник непротивления Злу, так? — ухмыльнулся я и тут же посе-
ррезнул. — Вот что, Мастер Зоран! Я гарантирую, что буду действовать в пределах правил Академии. Если ко мне не будут лезть — никого задирать не буду. Если нападут — отвечу. Словесные оскорбления мне безразличны. Собаки лают — караван идет. И вы не смотрите, что я такой тощий и хилый. Я вовсе не хилый. И выгляжу очень даже обманчиво. И скоро все в этом убедятся. Ваша задача (Зоран поднял брови и недоверчиво помотал головой — вот мол, скотина! Задачи мне ставит) — сделать так, чтобы меня не отравили и не

прибили из-за угла прямо в Академии. Уверен, вы сможете этого добиться, вашего влияния на это хватит с избытком. Я бы на вашем месте (Зоран опять ухмыльнулся и поджал губы) вызвал этого Элрона и сказал, что есть достоверные сведения — он напал первым. И что если с курсантом Сином что-то случится в пределах Академии — папаше Элрона сразу отправится депеша о том, как себя ведет сынок. А еще — уйдет депеша в столицу, где будут описаны все подвиги этого придурка. И эта информация повлияет на его будущую карьеру. Уверен, он не первый раз ведет себя по-скотски. Просто по просьбе папаша вы всегда спускаете ему с рук. Что, небось папаша частично финансирует Академию? Но при этом не очень любит своего сыночка-залетчика, который бросает тень на папашино имя. Иначе почему бы этот придурок остался в каникулы здесь, а не уехал домой. Ну а что касается дуэли... заверяю вас, все будет по правилам.

Зоран смотрел на меня странным взглядом, будто заново оценив. Будто видел сейчас меня в первый раз. И после минутного молчания сухо и бесцветно отправил меня отдыхать, напоследок пожелал соблюдать правила Академии и не допускать никаких нарушений. Ну а я пошел к себе в комнату, улыбнувшись по дороге серьезной и удивительно неразговорчивой Хельге. Уже когда подошел к дверям комнаты — передумал и отправился искать библиотеку. Валяться на кровати уже не хотелось, сон из меня выбило, как самым силь-

ным возбуждающим снадобьем. Почитаю книжки, подышу воздухом знаний — хорошо! До начала занятий еще три или четыре дня, так что будет чем заняться в эти дни межвременья.

* * *

Мастер Зоран посмотрел в спину уходящему парню, невольно отмечая, что двигается тот легко, плавно, как опытный боец, дождался, когда за курсантом закроется дверь, и, закрыв глаза, задумался. Мерзавец Леграс! Проклятый советник протянул свои липкие паучьи нити во все уголки Империи! Правая рука Императора, что поделаешь!

Кстати — на этот пост Зорана поставил именно Леграс — он посоветовал Императору взять ректором именно его, тогда еще преподавателя боевой магии, и так же легко он может Зорана сместить. Всегда можно к чему-нибудь прицепиться, найти огрехи в работе Академии или в жизни самого Зорана — хотя Мастер не представлял, что такого криминального можно у него найти. То, что построил секретарем свою дочь? Так это разве нарушение? Она хорошо исполняет свои обязанности! Ну да, торговцы дают ему откат за то, чтобы Академия закупала продукты только у них, но разве он, Зоран, кормит курсантов гнильем? Питание — как в самом лучшем трактире! То же самое с пошивом, то же самое с обувью, с ремонтом здания. Жалование ректора не такое уж и большое, тот же Леграс зарабатывает огромные деньги! По сравнению с ним Зоран просто нищий!

И вот — Леграс присылает этого парнишку. Ясное дело — непростого парнишку. «Крыса», без всякого сомнения. Хочет заслать его в среду столичных ворков? А может, подослать к «непримиримым»? В любом случае — в послании Леграса твердо говорится, что парень не должен быть отчислен ни при каких условиях. Но при этом сказано и о двух совершенно противоположных вещах: Зоран не должен опекаль парня, показывать, что администрация в нем особо заинтересована, и тут же требует не допустить его смерти! Правда, с оговоркой — «по возможности». И что бы это значило? Если возможности не будет — парня можно и списать? А после что будет? Не воспримет ли Леграс смерть этого странного ворка как невыполнение его недвусмысленного приказа? Названного в письме — «просьба». Смешно! Второе лицо Империи — ПРОСИТ! Кому скажи — засмеют.

Итак, что сейчас имеется в наличии: первая ссора Сина с одним из самых одиозных и знаменитых курсантов школы. Ну что за демонство?! Неужели он не мог поспорить с кем-то попроще?! Папаша этого парня на самом деле много делает для Академии, а значит — и для него, Зорана. И продуктов присылает, и денег дает на ремонт Академии, и вообще — на Севере он очень, очень влиятельная персона! И при желании может сильно навредить ректору. Не дай бог этот ворк его убьет! С него станется — вон как смотрит, волк волком! Чего-чего, а Зоран давно уже легко опре-

деляет потенциал бойцов. Настоящих Мастеров сразу видно — и по походке, и по движениям. Парень старается выглядеть как можно менее опасным бойцом — на зрителя, показно. Но он может обмануть этим только таких болванов, как Грендель. Самодовольных, спесивых болванов. Но он, Зоран, видит Сина насквозь! И то, как тот скромничает, на самом деле абсолютно не чувствуя почтения перед авторитетом ректора, и то, как старается не смотреть в глаза, когда разговаривает, ведь глаза отражают многое из того, что происходит в душе человека. И вот у этого парня глаза самого настоящего убийцы! Он перережет глотку Гренделю, не задумавшись ни на секунду, — если это Сину будет нужно.

И вот теперь — что делать? Убьют Сина — Леграс испортит Зорану жизнь! Сместит с такой выгодной, такой сытной должности! Леграс обид не забывает!

Син убьет Гренделя — Элрон-старший ополчится на Академию и лично на Зорана — почему не уследил? Почему допустил, чтобы сына убили? Не будет поддержки Академии, не будет подарков к праздникам, свежих овощей и фруктов — бесплатно. Придется тратить деньги, выделенные для содержания курсантов. И тут уже не отщипнешь ни медяка. Неприятности, однако!

А с другой стороны... кто такой Элрон и кто такой Леграс? Если Леграс захочет — от Элрона только перья полетят! То есть если Гренделя не будет — Зоран потеряет часть доходов, но останется

на месте и окажет услугу второму по значимости человеку в Империи. Ну да, заработает меньше, да — Элрон может и еще как-нибудь мелко напакостить, не очень сильно. Как? Это еще надо обдумать. Но по большому счету — неважно. Элрон не сможет нанести ему такого вреда, как Леграс. Потому — выбор очевиден.

А парнишка-то все четко просчитал. Вон как расклад сделал — все рассказал, как есть. И если с Гренделем что-то случится... это не вина Зорана. Так он и скажет — и в Совете Академии, и Леграсу, и отцу Гренделя. Леграс, если что, — прикроет. Он вообще-то помнит оказанные ему услуги. И очень жестоко карает предателей. И об этом надо помнить.

Зоран взял в руку серебряный колокольчик, стоявший на краю стола, коротко позвонил. Через несколько секунд открылась дверь, и Хельга недовольно спросила:

— Чего, пап?

— Сколько раз тебе говорить — когда мы на службе, говорить только официально! Даже если никто не видит! Тебе, может быть, кажется, что никто не видит, а на самом деле...

— Чего изволите, господин Ректор! — нахмурилась Хельга и поджала губы. Ректор мысленно выругался — теперь нажалуется матери, и та будет выносить ему мозг: *«Ну чего девочку обижаешь?! Что, она с обязанностями не справляется?! Справляется! А ты ее тиранишь мелкими придирками! Невозможный ты человек, совершенно невозмож-*

ный! И еще курсантов воспитываешь?! Как ты можешь их воспитывать, если со своей дочерью так обращаешься?!» Вот хоть домой теперь не ходи! Может, и правда — заночевать в Академии? Или пойти к Исидре? Та хоть и невеликого ума, но мозг точно выносить не будет. И в постели не ленится. И много подарков не требует. И язык за зубами умеет держать. М-да...

— Пригласи ко мне Элрона, — мрачно подвел итог своим мыслям Мастер Зоран. — И побыстрее пусть тащит сюда свой толстый зад!

— Так и сказать ему, насчет зада? — невинно поинтересовалась Хельга, и ректор взорвался, это было последней каплей на сегодня:

— Да! Толстый! Зад! Пусть тащит! Бегом пошла! Чтобы через минуту был здесь! Вон!

Хельга вздрогнула, обиженно поджала губы и, покачивая бедрами, медленно выплыла из кабинета, похожая на дорогую яхту, качающуюся на волнах. Ну, копия матери! Такая же шлюховатая и бесцеремонная! Но очень красивая. И где были его глаза двадцать лет назад? Впрочем — он знал, где именно...

Ректор досадливо скривился, вздохнул и сел на место, наконец-то приняв решение: точно, домой сегодня не пойдет. А ночью сходит к Исидре. А еще — хорошенько напьется! Сегодня ему это жизненно необходимо.

Эх, Леграс... ну какую же свинью подложил! И что день грядущий готовит... явно следующий учебный год будет очень, очень непростым.

Глава 3

— Вот здесь! Разборчиво давай! Ну что ты как крыса лапой?!

Морщинистый старик с глубоко запавшими карими глазами посмотрел на меня с такой откровенной брезгливостью, что мне стало даже не по себе. Неужели и он так не любит ворков?

— И осторожнее с книгами! Если увижу, что хоть один листочек не то что вырвал — просто испачкал, — подам на тебя докладную! И тогда порка тебе обеспечена!

— Я похож на того, кто вырывает страницы из книги? — не выдерживаю я.

— Все вы похожи! Только и следи за вами! — зло бормочет старик и машет рукой: — Иди! И помни — с двенадцатым колоколом библиотека закрывается! Закрою тебя здесь, и будешь сидеть тут до тех пор, пока я не приду! И попробуй только нагадить на пол!

Потираю руку, испачканную чернилами, иду между стеллажами с рядами книг. Сколько их тут?! У Велура, по местным меркам, была отличная, большая библиотека, но эта?! Велурова затерялась бы на первом же стеллаже! Иду дальше, легонько касаясь рукой книжных корешков, обтянутых старой кожей. Многие из книг сильно потертые, но есть и новые, сияющие золотом и серебром. И стоят, наверное, эти книги огромных денег! Представляю, сколько надо было вложить в Академию, чтобы содержать все ЭТО! Если не ошиба-

юсь, Академии около двух тысяч лет, и вот все это время в ней копились знания... Это на самом деле вызывает трепет. Ну-ка, найди на Земле библиотеку возрастом две тысячи лет! И кстати — вполне возможно, многие из книг тут еще старше! Или не книги, а свитки — две тысячи лет назад вроде как еще не было книг, на свитках писали.

Кстати — вот и свитки. Тоже на стеллажах, ровными рядами, все под номерами — видимо, это вот номер стеллажа, это номер свитка. А это что? А! Номер квадрата, на котором стоит стеллаж. Так. Это понятно. Непонятно только, как мне разыскивать нужные книги.

Возвращаюсь к столу библиотекаря, которого зовут Мастер Гийом, прошу:

— Мастер, вы не могли бы мне помочь разобраться? Как найти книгу по нужной тематике?

— Как найти? — Гийом с кривой усмешкой смотрит на меня. — Вы, новички, всегда вначале идете куда глаза глядят, а потом уже возвращаетесь с вопросами. Интересно, хоть один когда-нибудь спросит, как найти книгу, прежде чем попрется вглубь библиотеки? Вы все одинаковы, все!

— Мастер, пожалуйста! — так же вежливо прошу я. По большому счету Гийом прав, и я не злюсь, а про себя хихикаю. Все точно — мы вначале идем куда глаза глядят, а потом уже спрашиваем совета.

— Вот там — видишь? Это каталог! — он машет рукой в угол. — Ищешь нужный раздел, находишь карточку книги, смотришь ее номера. Понятно?

— Понятно, — довольно киваю я и тут же задаю вопрос, о котором тут же пожалею: — Мастер, подскажите, а в библиотеке есть информация о некромантии?

— Что-о?! — лицо библиотекаря становится даже не хмурым, оно просто-таки чернеет. Глаза старика впериваются в меня тяжелым, колючим взглядом, и наконец, библиотекарь медленно, с расстановкой выдает: — Не с того начинаешь, парень! Все мы интересовались запретными таинствами. Но это так же дурно, как предпочесть мужчину хорошенькой женщине! Постыдно даже задавать такие вопросы! Ты разве не знаешь, что некромантия запрещена указом Императора? Что за такую запретную магию можно лишиться всего, даже самой жизни?!

Не выдерживаю, спрашиваю:

— Мастер, разве знания могут быть запретными?

Библиотекарь замолкает, смотрит на меня внимательным взглядом, молчит. Потом твердо выдает:

— Могут! Если знания принесут беду людям — они должны быть забыты!

— Хорошо. А если они частично приносят беды, а частично — нет? Нет, я не так выразился — если они попали в руки хорошему человеку, эти знания принесут добро. Если плохому — зло. Мы покупаем топор. Им можно рубить дрова, а можно снести голову прохожему. Кто виноват в этом — топор? Или человек? Ну давайте тогда отберем у людей все топоры! Что будет?

Библиотекарь молчит, смотрит, прищурившись. И, не дождавшись ответа, продолжаю:

— Или тот же нож — им можно резать хлеб, можно нарезать пирогов, а можно и зарезать прохожего, чтобы отобрать у него кошелек. Нож — чем виноват? Вы лишаете людей знаний, считая, что так для них будет лучше. Считая, что они глупы и не смогут правильно распорядиться этими знаниями. Будут причинять зло, будут безобразничать. Так, может, воспитать людей так, чтобы они не делали зла? Контролировать тех, кто владеет знаниями, и наказывать, если они используют эти знания не по назначению? Почему вот так, огульно вы лишили нас этих знаний?

— Я как посмотрю... ты слишком умный, — ворчит библиотекарь, но я внезапно замечаю, что глаза его теплеют. Странно, но похоже, что ему понравилось мое выступление. — Как там тебя? Петр? Так вот, Петр... сейчас, конечно же, не время и не место для философских диспутов, но я тебе скажу: в твоих словах есть правда, но... они ничего не значат. Некромантия — слишком сильное оружие, чтобы им владел какой-либо человек. Некромант превосходит по своим боевым способностям любого боевого мага и даже нескольких магов. И как его победить, если он захочет поднять под себя весь мир? Прецеденты уже были, и прав Император, когда издал указ о запрете некрומантии. Может, когда-нибудь человек и дорастет до такой степени ответственности, что ему позволят владеть запретными знаниями, но не сейчас. Оглянись вокруг — сколь-

ко вокруг тебя зла. Как ты думаешь, если дать злым людям некромантию — для чего они ее применяют? Вот ты сказал про топор. Дать сумасшедшему топор — это хороший поступок? А отобрать топор у того, кто только и думает о том, чтобы дать по голове соседу, — это разве не доброе деяние?!

— Но подождите! — я невольно повысил голос. — Ведь некромантию можно применять для государственных дел — например, расследовать убийства! Убитый сам расскажет, кто его убил! А поговорить с умершими родственниками — разве это не мечта многих людей?! Разве они не хотели бы увидеть умершую мать или давно почившего отца?

— Мертвые — пусть покоятся в мире! — сурово заметил библиотекарь. — А преступление может раскрыть и обычный сыщик. Что он и делает, без всякой некромантии. Если положить на весы хорошие деяния некромантов и плохие — плохие всегда перевесят. И потому эта тема закрыта. Навсегда! И даже не думай искать здесь трактаты о некромантии! То, что не уничтожили, то, что еще осталось, — оно в специальном хранилище, в которое имеют доступ только ректор, библиотекарь, начальник службы безопасности и... все. Даже преподаватели не имеют права туда входить. И так будет вечно! Пока Император специальным указом не отменит указ своего предка. И больше на эту тему не говори!

Мы помолчали — я переваривал услышанное, библиотекарь тоже что-то себе думал, но потом Гийон вдруг улыбнулся и сказал:

— А вообще мне понравилось, как ты пытался выдвигать свои доводы. Вышло вполне логично и разумно.

— Но против вас — я не осилил, — тоже улыбнулся я.

— Так я вообще-то пятьдесят лет прослужил преподавателем, философии — в том числе, — уже откровенно потешался библиотекарь. — Смешно было бы, если бы ты, новичок, взял надо мной верх в философском споре! Но молодец. Я удивлен. Обычно те новички, что сюда приходят, двух слов из себя выдавить не могут. Пугаются! А ты...

— Наглец? — ухмыляюсь я.

— Ага... наглец! — уже хихикает библиотекарь и снова становится серьезным. — Мальчик... не наше дело обсуждать указы Императора. Да, уже давно в среде магов ходят разговоры о том, что пора бы отменить этот указ, запрещающий заниматься некромантией. Что он сдерживает развитие магической науки и лекарского дела. Что он... в общем — наша братия всегда была против любых ограничений их власти, их стремления к знаниям. Ученые готовы весь мир взорвать, чтобы удовлетворить свое любопытство. Так было всегда, и так будет всегда. Потому — нам нужны какие-то ограничительные меры. Иначе... Ладно, заболтались мы с тобой. Иди выбирай, что тебе нужно. И помни мои слова.

— Можно еще вопрос? — спохватываюсь я, и библиотекарь кивает в ответ. — А нельзя ли брать книги с собой в комнату? Или можно читать только здесь, в библиотеке?

— Можно брать, почему нет? — Глаза Гийона хитро блеснули. — Оставляешь залог в размере ста золотых, идешь и читаешь себе в своей комнате!

— Сколько?! Сто золотых?! — ахаю я. — Не многовато ли?!

— Сто золотых за каждую книгу, — довольно улыбается библиотекарь. — КАЖДУЮ! Это, конечно, не гарантирует возврат книги и ее сохранность, но... при порче книги мы залог оставляем себе, восстанавливаем эту книгу, а при полной утрате — покупаем или переписываем содержимое книги в новый том. Я думаю, ты понимаешь, что у нас в большинстве своем не один экземпляр книги по одной и той же теме. Но если в библиотеке только один экземпляр книги, то он выдается только проверенным читателям и только для чтения здесь, в читальном зале. Вот так, парень! А иначе от библиотеки останутся только рога и копыта! Ваша шайка превратит читальный зал в бордель, а зал каталогов — в сортир! Ну... может, и не ты это сделаешь, я вижу, что ты парень умный, но твои товарищи — точно это сделают. Насмотрелся за свою жизнь!

Я был согласен с библиотекарем и теперь, после короткого раздумья, видел — да, насчет так называемых товарищей он был совершенно прав. Но вообще — круто насчет ста золотых! Черт возьми, это же целое состояние! Я такого и не видал никогда!

В комнату отправился после одиннадцатого колокола. Вечером сходил на ужин, тоже сытный

и вкусный, и снова вернулся в библиотеку — до самой ночи. В столовой до меня никто не докапывался — смотрели издаലെка, перешептывались, но никто так и не подошел. Этого самого... как его там... Элрона — нигде не было видно. Видать, после преподанного ему урока и разговора с ректором он придушил свою наглость и решил со мной не связываться.

Однако следующее утро показало, как я ошибался. Проснулся с шестым колоколом — тут вставали довольно-таки рано (по моим меркам), и я решил сразу приучать себя к порядку, хотя каникулы еще не закончились, так что особого смысла вставать рано еще не было. Сходил в душ — без мыла, я не знал, где его купить, ведь в город мне выходить пока нельзя. Выполоскал пропыленную и пропотевшую гражданскую одежду — пусть и без мыла, но уже не будет такой грязной. И к восьми часам отправился в столовую.

Сегодня народа тут было больше — то ли курсанты начали прибывать с каникул, то ли просто так совпало, не все ранее приходили на обед и ужин, находясь в городе, но... факт есть факт. На завтраке по столам сидели человек пятнадцать или больше. Все примерно одного возраста — от пятнадцати до восемнадцати лет. Среди них и Элрон, который на меня не смотрел и о чем-то оживленно говорил с очень красивой девочкой, постриженной «под мальчика».

Эта прическа девушке очень шла, я даже засмотрелся. Я вообще испытываю необъяснимую тягу

к женщинам, постриженным коротко, — возможно, из-за своей долгой армейской службы. Женщин в армии немного, и в основном они пострижены коротко — по понятным причинам. А когда ты долго находишься в расположении части без выхода «в люди», то любая женщина начинает казаться самой желанной на свете красавицей. И короткая прическа — неотъемлемой частью имиджа этой самой красавицы. Так что привыкаешь: коротко — красиво.

Глупо, но другого объяснения у меня нет. Ну да, можно просто сказать: «Ну нравятся мне так постриженные девушки, и пошли все на хрен!» Но я же вежливый человек! И как близкому к науке человеку, мне обязательно нужно подвести под мои выводы какую-то научную базу. Шутка, ага!

Мне даже поесть не дали — как только поставил поднос на мой стол, тут же от стола Элрона поднялись двое парней и пошли ко мне. Весь зал как-то сразу стих, не стало слышно голосов, не звенели ложки, не скрипели о тарелки вилки. Шаги идущих раздавались в полной тишине, так что если бы тут обитала хоть одна муха и жужжала где-нибудь в углу, через зал — я бы ее услышал.

— Эй ты! — подойдя, обратился ко мне рыхловатый парень с круглым лицом.

Я не обратил на окрик никакого внимания, продолжал раскладывать по столу тарелки — яичница с колбасой, овощной салатик, пирожок с непонятным содержимым, неизменный компот. Нормальный такой завтрак, спасибо ректору.

Нарезаю яичницу — не люблю интеллигентски, по кусочку отрезать. В этом американцы с их свинизмом и отсутствием манер абсолютно правы. Накромсал кусками и жрешь в свое удовольствие! Нечего тут... изображать!

— Ты! Оглох, что ли?

Прожевываю кусок, запиваю компотом, откидываюсь на спинку стула и медленно поворачиваюсь вполборота:

— Ты кому это, молодой человек? Кто тебя сюда пустил, мальчик? Где ты взял эту форму? Курсанты Академии так себя не ведут! Наверное, ты откуда-то из плохого района? Не умеешь вести себя в обществе? Родители не учили тебя, как разговаривать с незнакомыми людьми?

Поворачиваюсь и продолжаю с аппетитом есть яичницу. Универсальная еда на все времена — не еда, а заправка организма! Боковым зрением вижу, как становится багровым лицо пухлого парня. Красный как рак, он хватает ртом воздух, но не решается совершить что-либо наказуемое. Видимо, пример Элрона пошел ему впрок.

— Господин... ворк! — холодно обращается ко мне второй парень, и я, поворачиваясь к нему, нарочито дружелюбно говорю:

— Если ты это в мой адрес, так, пожалуйста, обращайся ко мне тогда «господин Син», или можно просто: Петр. Мы же здесь все коллеги, можно сказать — братья! Так что к брату можно и запросто. Я тебе это позволяю.

Теперь уже краснеет второй. Ну а чего? Мне по большому счету пофиг! Чем больше народу получат урок, тем лучше для меня. Как там Д'Артаньян? Первое, что сделал, — переругался со всеми значимыми персонами. Правда, Д'Артаньян так и не подрался с ними, но и я ведь не он. И оранжевого скакуна у меня нет!

— Господин Син! — берет себя в руки парень. — Господин Элрон вызывает вас на дуэль согласно закону и правилам Академии! Она состоится через три дня в четыре часа пополудни! Выбор оружия за вами!

Интересно... а если я откажусь? Что они мне сделают? Ну ведь правда, смешно — вот сейчас я отказываюсь. И? Они подвергнут меня остракизму? Не будут здороваться, распустият слухи, какое я трусливое дерьмо? Что они вообще мне могут сделать, эти идиоты? Хе-хе... может, и правда отказаться? Ну так, ради хохмы?

— Если ты откажешься, мы направим соответствующий рапорт на имя ректора, а он внесет в твой послужной список факт отказа от дуэли чести!

Вот сука! Как будто мои мысли услышал! А что, интересное дело. Мне-то абсолютно наплевать, я-то не собираюсь делать карьеру офицера или вообще чиновника. А им, мажорчикам, это очень важно. Если в их деле останется такой грязный след... М-да... надо взять на заметку. Хорошее дельце! Единственное, что — можно ведь и нарваться. Если выбирает вид оружия тот, кого вызвали...

тогда можно крепко попасть. Я не очень-то хорошо владею мечом. Ножом — да. Рукопашка — мой конек. Копье неплохо, но... в принципе с копьем вряд ли нарвусь — будущие офицеры, благородные люди, презирают копье. Копье — оружие наемников, простолюдинов. Благородные люди выпускают друг другу кишки мечами, шпагами, кинжалами на худой конец.

Ладно. К делу. Мой выбор, и что я выберу — хоть битву на мясорубках, — так оно и будет. Кстати, может, правда поохмить? У них тут вообще-то есть мясорубки?

— Без оружия, — холодно говорю я и вижу, как глаза моего собеседника широко раскрылись.

— Как без оружия?! Это же неблагородно! — негодует выюнош со взором горящим, и я ухмыляюсь как можно мерзее и вопрошаю:

— Что, у твоего друга кишка тонка — без оружия? Струсил? Впрочем — я и не сомневался, что струсит. У него все на роже написано. Только и может, что слабых обижать!

Молчание, какой-то клеткот... это что, у него внутри дерьмо кипит, что ли? Кажется — сейчас откроется крышка в черепе и оттуда выплеснется пар и перегретое дерьмо. Вот же я зацепил! Я вам, суки, окажу буллинг, как это сейчас называется у продвинутой молодежи, а у нас называлось «травля»!

Я вам, мать вашу, покажу, как пользоваться правилами Академии и как правильно выворачивать закон в свою сторону! Или я не Петр Синельников буду!

Вчера — первое, что я взял читать, — это дуэльный кодекс и все прецеденты, относящиеся к дуэлям в школе. А еще — законы Империи, ее дуэльный кодекс (кстати, почти не отличающийся от кодекса Академии, но с нюансами...), ее законы, касающиеся личности и насилия над ней. Я теперь подготовлен не хуже стряпчего — память-то у меня ого-го! И своя память, и память тела. Я, когда музицировал на гитаре, учил слова песен — такую память себе развил, что этим чудикам и не снилось. Опять же — Келлан, наверное, от природы обладал отличной памятью.

Хм-м... кстати... а может, он уже и знал все эти законы и кодексы? Может, потому я так легко их запомнил? Все может быть. Но факт есть факт.

— Твое условие будет передано господину Элрону. Просьба подождать ответа!

Парочка мажоров уходит, а я продолжаю наслаждаться завтраком. Аппетит у меня отменный. Вижу в окошке раздачи Анар, машу ей рукой и показываю известный и на Земле, и в другом мире жест — большой палец вверх. Мол, вкусно! Она довольно улыбается и приглашает — мол, пойдём за добавкой! Но я с улыбкой мотаю головой — нет, хватит. Наелся.

Парни возвращаются, и второй, тот, что поспокойнее, объявляет:

— Господин Элрон согласен с твоими условиями! Бой до тех пор, пока противник не сможет его продолжать.

Киваю и отхлебываю из кружки, довольно крикая и шумно выдыхая. Парня перекашивает от такого проявления невоспитанности, и он молча удаляется. Хе-хе... как легко вас вывести из равновесия! Какие же вы предсказуемые!

Надо выбрать правильную тактику — не обращать внимания на оскорбления и подначки, оскорблять и подначивать самому. Тогда у меня будет преимущество в выборе оружия. И я выберу то, что нужно. Эх, неплохо было бы потренироваться с каким-нибудь дельным учителем-мечником! Да и тренировки с ножевым боем, и рукопашка мне бы очень помогли. Но я не могу раскрыть свои боевые способности — по крайней мере, пока. До первой дуэли.

Следующие три дня прошли у меня в покое и можно сказать — в неге. У себя в комнате я приспособился заниматься физкультурой, отрабатывал боевые движения — бой с тенью и все такое. Потом шел в библиотеку и читал все подряд, до чего у меня был интерес — историю Академии, магическую медицину, артефактику, прикладную магию, — читал взахлеб, отвлекаясь только на туалет и прием пищи. Никто меня больше не беспокоил — я жил эти дни как в вакууме, когда шел, то казалось — следую в некой невидимой сфере. Все искоса смотрели на меня и отходили в сторону, давая дорогу то ли как прокаженному, то ли как опасному сумасшедшему.

А курсантов в Академии все прибавлялось и прибавлялось. Скоро в столовой стало если не

тесно (в таком помещении — где тесниться?), то довольно-таки шумно и людно. Человек сто я насчитал на третий день в обеденное время. Видел группы парней и девушек на спортивной площадке — играющих в мяч, бегающих наперегонки, подтягивающихся на перекладине.

Я к ним не подходил. Это у юных есть тяга к некой групповщине — им трудно жить в одиночестве, им обязательно надо с кем-то общаться — болтать, хвалиться, ругаться и мириться. Строить глазки и волочиться за девочками. А мне, сорокалетнему мужику, обоженному войной и видевавшему все и вся, — их детские игры были просто неинтересны. Как и детские попытки установить старшинство по закону Стаи. Я уже был Альфа-самцом, только они об этом не знали. Зато я — знал.

На четвертый день с самого утра прибежала Хельга и торжественно сообщила, что в полдень собирается Совет Преподавателей, и они будут решать — куда меня определить, на что я все-таки сгожусь. Так что мне следует прибыть в указанное время в кабинет ректора. Вернее — в зал совещаний рядом с кабинетом. А еще точнее — в приемную ректора, а то я совсем заморочил ей мозги! Все!

Так и не поняв, как я сумел заморочить мозги этой девице, я закрыл за ней дверь и стал готовиться к выходу. В принципе — особо готовиться мне было нечего: ботинки чистые, начистить я их все равно не могу (так и забываю выяснить — где взять ваксу и все остальное?! Если в город

не хожу!), мундир средней степени выглаженности (насчет утюга тоже так и не понял — где брать). Борода у меня не растет — я, еще будучи вольным убийцей, попросил мага-лекаря сделать так, чтобы борода не росла длительное время, — он мне дал снадобье и сказал, что после того как намажу — борода не будет расти минимум год. А может, и больше — ведь я еще молодой, она у меня и так едва растет. Ну вот и хожу теперь гладкий, как коленка. Еще одно преимущество магии — попробуй найди такое средство на Земле!

Ровно за пятнадцать минут до полудня я стоял перед столом Хельги и слушал новости о том, как вся Академия ждет, что Элрон отмудохает нагло, подлого ворка, который неведомыми путями пробрался в Академию. И что я должен быть очень осторожен, ибо Грендель сильный, ловкий, настоящий мужчина! А на прошлой дуэли, где-то месяца три назад, он так исполосовал несчастного Гиндера, который неудачно пошутил в его адрес, что Гиндеру пришлось накладывать сто тридцать восемь швов! В том числе и на голове. Элрон владеет мечом как бог! А еще — по нему сохнут все девочки. Его отец очень богатый и красивый. А еще он вдовец, и все женщины мечтают о том, чтобы заполучить старшего Элрона в свои объятия. А она, Хельга, не стала бы идти за него замуж — говорят, он очень жестокий и ревнивый, и он жену вроде как прибил до смерти, потому что она смотрела на сторону... бла-бла... бла...

Я даже затосковал от этого бесконечного, бурного потока информации. И вот зачем мне знать, что отец моего врага не женат? Какой в этом смысл? И обрадовался, когда мимо меня в зал совещаний проследовали четверо мужчин в форме Академии.

Ректор вышел из кабинета последним, кивком ответил на мое приветствие и проследовал туда же, за дверь.

Мне пришлось ждать еще минут двадцать, когда дверь приоткрылась и незнакомый голос провозгласил:

— Курсант Син! Пройдите в зал совещаний!

Ну я и прошел... мысленно осеняя себя крестом. Ну так, на всякий случай. Хуже-то не будет! Может, сгинут бесы, войдут в свиней и бросятся в пропасть? Вряд ли... это было бы слишком легко.

Глава 4

Стою навтыяжку, само собой — присесть мне никто не предложил. Передо мной пятеро: в центре сидит ректор, смотрит на меня серьезно, как и положено председателю. Все-таки солидный мужчина, ничего не скажешь. Как из стали выкован!

Справа от него — чем-то похожий на ректора мужик — кряжистый, плечистый, взгляд острый, как рентгеном просвечивает. Кто такой — не знаю. Правда, Хельга говорила, что будет начальник службы безопасности Академии. Так вот ско-

рее всего — это он. Я безопасников чую за версту. У них особый взгляд. Эдакий... ментовской! «Отсутствие у вас судимости — не ваша заслуга, а наша недоработка!» Вот в точности так.

Справа с краю — неизвестный мне мужичок. Небольшой такой, кругленький, с улыбочивым пухлым лицом. Резко отличается от своих соратников (безопасника и ректора), явно принадлежащих к силовым ведомствам. Похоже, что это упомянутый той же Хельгой заведующий кафедрой медицины. Как понял? Из того же источника информации мне стало известно, что главный медик веселый и добродушный человек. Ну а этот типус будто бы постоянно сдерживает улыбку. Эдакий доктор Ливси местного разлива.

Так. А это кто? Опа! Мой знакомец! Библиотекарь Мастер Гийом! А чего он-то тут делает, в Совете? Неужели библиотекарь здесь такая важная должность?

И похоже на то, присутствует Глава кафедры артефакторики. Опять же со слов Хельги, в артефакторы ссылают всех, кто не может лечить и не может как следует стрелять огненными шарами. В общем — всех недоделанных магов. Кстати — не факт, что они останутся в отделении артефакторики до конца обучения. У некоторых магов способности магичить проявляются в полной мере довольно-таки поздно, к шестнадцати-семнадцати годам. Был артефактор — и вдруг начал стрелять файрболлами! Ну, тогда переводят на военный факультет. Всякое бывает — я читал.

Ну что же... послушаю, что мне скажут ученые мужи! А они там что-то бормочут между собой, что-то говорят — интересно, что именно? Отсюда не слышно... а жаль!

Но да ладно... дальше фронта не пошлют. Из Академии не выгонят, если не буду сильно косячить. Кстати, интересно, куда деваются те маги, которых все-таки выгнали? Чем занимаются? Чем живут вообще? Или вообще не живут? Да нет, не может такого быть... скорее всего, отправляются домой, к родителям, без всякой перспективы на продвижение в имперской службе. Или, может, их отправляют на фронт? Ну там... соплеменников моих гонять, ворков. Типа — в штрафную роту? Потом расспрошу как следует. Хельгу, например...

* * *

Ректор посмотрел на стоявшего перед ним курсанта и отметил, что мундир тот носит как-то... умело, что ли? Вот сразу видно человека гражданского — он как бы тяготится форменной одеждой. Ему непривычно, неприятно, тут жмет, тут натирает, и вообще — зачем зашнуровываться в помещении?! Ведь так же дышать тяжело! Ну и что — правила требуют? Какой дурак эти правила придумал? Этот же одет по всем канонам Академии, да и стоит навтыжку так, будто делал это всю свою сознательную жизнь. Не вертит головой, рассматривая комиссию, а будто совсем не интересуется теми людьми, которые собрались решать его судьбу. Смотрит над головами и вроде даже глазами не